

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И ЗАПРЕТ АРГУМЕНТА AD HOMINEM В НАУЧНОЙ ДИСКУССИИ

Аннотация. В статье исследуются перспективы трансформации установки научной рациональности на запрет использования аргумента *ad hominem*, вступающей в конфликт с распространяющейся идеологией мультикультурализма, отрицающей ориентацию на универсального субъекта. В ходе анализа выявлены два варианта развития событий: реализация антиглобалистских тенденций в форме анти-сциентизма или очередное расширение рамок, задаваемых научной рациональностью.

Ключевые слова: философия, аргумент *ad hominem*, мультикультурализм, рациональность, глобализация, аргументация, антисциентизм, массовая культура, научная дискуссия, универсальное и уникальное.

Мультикультурализм, становящийся одной из глобальных идеологий, вызывает запрет на использование аргумента *ad hominem*, как в теоретической, так и в прагматической аргументационной конструкции.

Понятие мультикультурализма нуждается в некоторых пояснениях, поскольку сегодня это один из самых расплывчатых терминов, кардинально меняющих свое содержание в зависимости от идеологического контекста употребления. По сути дела, любой термин, отсылающий к определенной идеологической схеме, в условиях современного плюрализма позиционирования в поле дискурсивных практик, означает, как правило, только то, что в него вкладывает говорящий. Такое положение дел предполагает особое внимание к механизму и историко-политическому контексту концептуализации. Поэтому представляется целесообразным для конкретизации термина «мультикультурализм» создать некоторую типологию таких специфических контекстов его употребления в зависимости от позиции, занимаемой субъектом: проponenta или оппонента. Сторонники мультикультурализма¹

предпринимают попытки рассмотреть его как специфическую характеристику современного общества, которое представлено множеством культур. В этом контексте мультикультурализм выступает как исключительно культурологический принцип. Если попытаться сформулировать основной посыл этого принципа, то выглядеть это может как призыв к людям разной этничности, религии, рас научиться взаимодействовать друг с другом, не отказываясь от своего культурного своеобразия. При этом акцент делается на специфическую коммуникативную грамотность, развитие способности принимать и передавать социально значимую информацию, вне зависимости от нормативности ее трансляции, накладываемой той или иной локальной традицией.

Критики² мультикультурализма, в том числе и те, кто заявляют о кризисе данной парадигмы,

ник А.И. Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтничных обществ. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000; Мультикультурализм и этнокультурные процессы в меняющемся мире: Исследовательские подходы и интерпретации / Под ред. Г.И. Зверевой. М.: Аспект Пресс, 2003.

² См. например: Скирбекк С. Неадекватная культура: Современная идеология и человек. М.: Изд-во «МИК», 2003; Кирабаев Н.С. Культурная идентичность, плюрализм и глобализация в современном философском дискурсе // Культурная идентичность и глобализация: Доклады и выступления. 5-й Международный симпозиум «Диалог цивилизаций: Восток – Запад», 27-28 апреля, 4-5 мая 2001 г. / Под ред. Н.С. Кирабаева, А.В. Семушкина, Ю.М. Почты, С.А. Нижникова. М., 2002. С. 17; Малахов В. Зачем России мультикультурализм? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова, В.А. Тишкова. М., 2002; Жижек С. Интерпассивность. Желание: влечение. Мультикультурализм. СПб., 2005.

¹ См. например: Deveux M. Cultural Pluralism and Dilemmas of Justice. Ithaca: Cornell University Press, 2000; Barry B. Culture and Equality: An Egalitarian Critique of Multiculturalism. Cambridge: Polity Press, 2001; Pickus N.M.J. Creating Citizens for the 21st Century // Immigration and Citizenship in the 21st Century / Ed. by N.M.J. Pickus. Lanham: Rowman and Littlefield, 1998. P. 107-139; Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003; Тишков В.А. Теория и практика мультикультурализма. / Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова, В.А. Тишкова. М., 2002. С. 332-336; Куропят-

как правило, вводят в рассмотрение проблематики, связанной с мультикультурализмом, своего рода иерархические отношения. Имплицировано предполагается, что помимо сохранения этнического, религиозного, традиционного своеобразия культур, к ним добавляется некоторая надстройка, которая может быть обозначена как гражданская культура. Понятно, что в установлении такой трактовки мультикультурализма значимое место занимают политические соображения. В этом плане идеологическая установка мультикультурализма начинает рассматриваться не только как культурологический концепт, но и как один из инструментов управления социумом, включающим в себя множество подсистем, управляемых традиционными нормативами и императивами. По сути дела, в случае с интерпретацией мультикультурализма его критиками имеет место своеобразное «переформатирование» термина, призванного обозначать определенную систему управления второго порядка. То есть, здесь мы сталкиваемся с необходимостью признать, что мультикультурализм предполагает, что прямая регуляция межличностного взаимодействия реализуется посредством локальных традиций, управление же обществом требует включения дополнительных механизмов управления, которые позволяют инкорпорировать столь различные части в единое социальное тело.

Таким образом, из приведенной типологии видно, что по преимуществу термин «мультикультурализм» используется с одной стороны как описательный, применительно к современному состоянию общества, с другой стороны, как обозначение специфической теоретической конструкции, определяющее горизонт политических целей в ходе реализации управленческой функции не только государства, но и иных политических субъектов. Вероятно, в качестве рабочего определения можно принять следующее: «Модель мультикультурализма предполагает легитимацию различных форм культурных различий, которая может быть выражена в формуле «интеграции без ассимиляции». Это значит, что в границах одного государства существуют различные этнокультурные, конфессиональные и другие образования, имеющие право на публичную репрезентацию и сохранение своих особенных черт и образа жизни, продиктованного культурной спецификой. Мультикультурализм можно считать одним из возможных способов преодоления противоречия между глобализацией в мировом развитии и спецификой, присущей

развитию отдельных культур и цивилизаций»³. В этом смысле, мультикультурализм может быть понята как особая стратегия глобализации. При этом, сама глобализация в рамках такого рода тематического подхода, выступает в качестве объективного процесса, а не особого направления мировой политики, реализуемого в частных интересах определенных социальных групп.

Ряд черт, характерных для глобализации как экономического и социокультурного явления были присущи и науке как форме специализированного и стандартизированного познания. К примеру, нельзя не заметить, что глобализация ведет к нивелированию различий в системах ценностей национальных культур, разрушению традиционного уклада. Научное познание, претендующее на универсальность, так же стремится к унификации познавательных практик и процедур, к минимизации, по возможности, ценностных суждений. «Процесс глобализации не только актуализировал проблему сохранения своей культурной идентичности. Именно благодаря «угрозам» и шансам, которые появились в глобализованном мире, многие впервые осознали существование своей собственной культурной идентичности. Роль культурной идентичности для представителей мультикультурного общества трудно преувеличить. Культурная идентичность опирается как на объективные факторы — историческое наследие, политические условия, этнические корни, традиции, язык, религию и т.п., так и на субъективные, которые коренятся в сознании членов одной общности. Она существует, прежде всего, в форме социальных репрезентаций, позволяющих обществу самоопределиваться. Эти репрезентации формируются из картин, символов, стереотипов, мифов, истории, которые в коллективном сознании создают образ «личности» и единства»⁴. Движения антиглобалистов и антисциентизм, в этом смысле, явления одного порядка. Это, с одной стороны, формы выражения своего рода «антикультурного бунта» против унификации и борьба за сохранение независимости — с другой. Действительно, в глобальном мире происходит все более радикальная и по сути «фатальная» специализация регионов. Кто-то становится лидером в производстве сельскохозяй-

³ Степанова Е.А. Проблема толерантности в межконфессиональных отношениях: курс лекций: в 2 т. Т. 2. Межрелигиозный диалог в современном мире. Екатеринбург, 2008. С. 248.

⁴ Ушанова И.А. Глобализация и мультикультурализм: пути развития // Вестник новгородского государственного университета. № 27. С. 61-65.

ственной продукции, кто-то — перерабатывающих отраслей, кто-то — наукоемких технологий, кто-то — добывающей промышленности. Таким образом, не самодостаточность национальной экономики каждого государства, его зависимость от мировой конъюнктуры и взаимоотношения с другими государствами ведет к утрате не только экономической, но и политической независимости. При этом экономическое лидерство не дает еще основания «почивать на лаврах», поскольку именно это делает лидера максимально зависимым. В этом смысле, положение «господина» безнадежнее, чем положение «раба». Поэтому, чем более развита экономика государства, тем более агрессивную политику он должен проводить просто для поддержания собственной экономической системы. Более того, жертвой экономики в первую очередь оказывается уникальность культуры данного государства. «Процесс культурной глобализации оказывает двойственное действие на мир в целом: с одной стороны, мир становится все более однородным, с другой стороны, — все более разнородным. Однородность заключается в том, что мы все чаще представляем свои культурные отличия одними и теми же способами, которые более доступны для понимания (Р. Вилк, И. Брайденбах и И. Цукригл). Для наступающей эпохи характерно «организованное» культурное многообразие, которое как раз и предусматривает возникновение глобальной культуры. Культурные особенности складываются на фоне глобальной культуры, новой культурной реальности»⁵. Необходимая толерантность, стремление к диалогу как способу обеспечения взаимовыгодного, а значит наиболее прочного, сотрудничества, ведет не только и не столько к навязыванию своих ценностей, сколько к ассимиляции чужих. В силу все более укрепляющейся взаимозависимости всех государств мира происходит, таким образом, все большая стандартизация ценностных систем. Массовая культура здесь выступает наиболее безболезненным средством такой унификации. Разделение на элитарную и массовую культуру, в отличие от вульгарной и аристократической, делает ставку не на специфические, обусловленные национальным культурным своеобразием удовольствия, а на те, что свойственны всему человечеству. Учитывая высокий уровень дифференциации культурных стереотипов, общим здесь оказываются в основном наиболее низменные формы удовольствия, как на

массовом, так и на элитарном уровне. Другое дело форма. Как отмечает Е.Е. Вознякевич: «Границы духовного и материального порождены специфической познающей мир субъекта, они не обладают онтологическим статусом и условны»⁶. В рамках элитарной культуры формы выражения все более интеллектуализируются, хотя и отсылают зачастую к непосредственно физиологическому. Такая интеллектуализация не является синонимом возвышенности, она скорее базируется на рационализации, которая, соответственно, рассматривается как всеобщее.

Здесь мы можем зафиксировать наличие некоторых параллелей между трактовкой глобализации как рационализации и идеей гражданской культуры, которая, по мнению критиков мультикультурализма, при сохранении установок мультикультурализма должна стать своего рода надстройкой, не устраняющей и не подменяющей традиционные формы регулирования межличностного взаимодействия, но дополняя их. Упомянутая выше политическая составляющая такого рода дискурсов, отсылает к убежденности в универсальности разума. Отмеченные параллели оставляют возможность проследить особенности противоречивости самой рациональности как формального обоснования установления свободного дискурсивного пространства наднационального. Самоидентификация становится проблематичной в ситуации, когда единственной формой индивидуализации становится презумпция разумности, лишенная дифференцированности, которая изначально транслировалась посредством уникальных языковых форм.

Таким образом, любые предлагаемые в глобальном мире формы культурного освоения мира стремятся к утрате своеобразия культурного, национального. «Новая глобальная культурная система производит и усиливает различия, вместо того, чтобы подавлять их, но это различия особого типа. Их гегемония касается не содержания, а формы... Система глобальной культуры — это общий код, выражающий различия и границы»⁷.

Но процесс стандартизации ценностных систем ведет еще и к утрате основания для предпочте-

⁶ Вознякевич Е.Е. Научная рефлексия и формирование самосознания молодого ученого // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 3. Экономические, гуманитарные и общественные науки. 2010. № 3. С. 57.

⁷ Wilk R. Learning the Lokal in Belize: Global Systems of Common Difference. In: Worlds Apart // Modernity Through the Prism of the Local. London: Routledge, 1996. P. 118.

⁵ Там же.

ния одной ценности другой. То есть, разрушается любая иерархия ценностей. В этом смысле и в рамках элитарной, и в рамках массовой культуры утрачивается возможность обретения критериев оценки, носящих идеальный характер, на их место приходят критерии вполне материальные, или точнее, более наглядные. Но это отчасти противоречит самому характеру человеческого мышления. Невозможно мыслить исключительно в картинках. Скорее всего, именно такая невозможность последовательного культурного поведения приводит к ряду своего рода взрывов, которые можно оценить как варварские. К примеру, возникновение организаций, практикующих отказ от благ цивилизации и «возвращающихся к природе», или склонных к не только эпатажирующим действиям, но и к прямому отрицанию норм и приличий. «Человеку свойственно оценивать... Он дифференцирует, сортирует и упорядочивает состояние мира и в процессе этой деятельности редуцирует объект, с которым сталкивается, до соразмерной ему величины. Он предпочитает большее количество благ, имеющих положительную оценку. Кроме того, оценка зависит от контекста. Любое фиксированное приращение положительно оцениваемого блага оценивается все ниже по мере того, как растет его общее количество... Человек стремится вступить в обмен по всем направлениям. Он всегда готов поступиться некоторым количеством любого имеющего ценность блага в обмен на некоторое количество альтернативного блага, которое он ценит выше»⁸. В этом смысле отвергаемая рациональность парадоксальным образом самоутверждается через систему аргументации позиции «варварства» как эффективного инструмента спасения человеческого в человеке. Подтверждая установку, предполагающую универсальность разума.

Сложившаяся ситуация приводит к поиску возможного, принципиально рационального, основания утверждения единства многообразия не через синтез, как предполагает стратегия «плавильного котла», а посредством расширения коммуникативной грамотности, имеющей универсальную компоненту, подлежащую экспоненциальному расширению. Наука, как один из элементов культурного горизонта, может быть актуализирована именно в контексте такого рода задач. Ее способность к технологизации управляющих систем (социальные

технологии, дисциплинарные пространства и пр.) с одной стороны, и ее возможность принять плоды любого «культурного бунта» в качестве эвристического шага, имеющего прагматическую ценность как инвариант теоретических поисков, дает возможность рассматривать науку как функционального заместителя гражданской культуры. В этом смысле, любой рост рационализации культуры неминуемо вызовет расширение сферы варварских всплесков, которые имея целью деструкцию, могут быть инкорпорированы в гражданской культуре как прагматически полезные.

Показательным здесь можно считать пример с методологическими установками современной науки, где таким же, по своему характеру, является в научной деятельности концептуальный плюрализм и методологический анархизм. Лозунг «все сойдет» приводит не к выработке продуктивных гипотез и объясняющих теоретических конструкций, а, скорее, к высказыванию как можно большего числа оригинальных идей. При этом, чем идея парадоксальней, и чем она эпатажней, тем лучше. Что, в свою очередь, создает «информационный шум» в пространстве научной коммуникации. Сегодня количество публикаций по результатам научных исследований, даже в специализированных научных журналах и монографиях, не дает возможности отследить степень разработанности той или иной проблемы даже в узкой сфере. Если же учесть междисциплинарный характер исследований, обусловленный предметно ориентированной, а не дисциплинарной структурой научной деятельности, то следует признать, что формулировка критериев научности знания, носящих идеальный характер, крайне проблематична. В силу сложившихся обстоятельств селекция научной информации реализуется на основании того, что можно было бы обозначить как «научная репутация». При том, этот расплывчатый термин может быть интерпретирован различным образом. Разные научные сообщества могут существенно отличаться в том числе и с точки зрения механизмов конструирования и конституирования научных репутаций. Тем не менее, при всем многообразии компонентов, входящих в набор факторов, определяющих научную репутацию в рамках конкретных научных сообществ, в их состав устойчиво входит и оценка личностных качеств ученого⁹. Предполагается, что такие личные качества могут влиять и

⁸ Бруннер К. Представление о человеке. Концепция социума: два подхода к пониманию общества // Thesis. 1993. Т. 1. № 3. С. 56.

⁹ Подробнее об этом: Куаникас Л.Ю. Научная репутация: компаративное исследование. Минск: Оулим, 2011. 234 с.

на исследовательскую компетентность автора, производящего тот или иной интеллектуальный продукт. Это обстоятельство дает основание говорить о том, что при формировании научного направления или школы, как правило функционирующей как «невидимый колледж», оказывается востребованным аргумент *ad personam*. Интересно, что при разговоре о научной репутации как селективном принципе при организации научной коммуникации субъекты этой коммуникации не актуализируют свою позицию через использование аргумента *ad personam*. Легитимация выбора предпочтений реализуется, как правило, посредством аргумента *ad hominem*. Но аргумент этот присутствует в легитимирующем дискурсе не в собственной форме, а опосредованно, в форме апелляции к некоторым качествам самого интеллектуального продукта, к формальным характеристикам выражения или к конвенциональным нормам оценки, принятым сообществом. Интересно, что любой из этих объектов, выступая в качестве оправдания, подается как имеющий универсальное значение.

В современной научной деятельности все большее место в качестве легитимирующего основания занимает идея эффективности, которая отличает научное знание от любого другого. То есть, научное знание формулируется в форме наиболее удобно передаваемой и используемой. Более того, решения, принятые на основании именно так сформулированного и полученного знания, требуют меньшей затраты ресурсов на обеспечение рисков, поскольку скорее всего более достоверны.

По тому же сценарию развиваются и социокультурные отношения в рамках глобального мира. Поиск оптимального соотношения целей и средств, необходимых для их достижения, становится определяющей силой, вне зависимости от любых других соображений. Культурное и этническое своеобразие, этические и правовые нормы, каждый индивид рассматриваются только как факторы при оценке эффективности принимаемых решений. «В культурном плане глобализация породила примерно пятьдесят миллионов граждан мира, но в отношении остального человечества английский социолог Р. Робертсон ввел термин «глокализация», стремясь подчеркнуть единство глобального и локального, неустрашимость сосуществования универсального и партикулярного. Говорить о глобализации как источнике единства мира можно лишь с оговорками, объясняющими, что это единство сложилось в ходе становления

всемирной истории. В культурном отношении глобализация сыграла ту роль, что унифицировала распространение массовой культуры («глобализация ничего», как выразился по этому поводу американский социолог Дж. Ритцер) и упрощенных схем рациональности, доступных для освоения в любой точке мира...»¹⁰.

Таким образом, мы сталкиваемся с предельно рационализированной схемой взаимодействия между субъектами, в рамках которых нивелируется различие между тем, о субъектах каких именно (экономических, политических, правовых и пр.) отношений идет речь. Человек как предмет исследования перестал занимать какое-либо привилегированное положение, но при этом именно он, как единственный носитель рационального, как тот, кто «приводит информационные потоки в движение», стал особенно интересен. Антропология все больше исследует сложные конструкты, а не то, что за ними скрываются, обращаясь в большей степени не к самим конструкциям, а к исследованию способов конструирования, к выявлению из них наиболее эффективных. Человек рассматривается как своеобразный проект, выдвинутый в будущее, присутствующий лишь как потенциальный источник рациональности. Все, начиная от человеческих потребностей, желаний, ценностей, вплоть до способов мышления, искусственно конструируется. При этом, человек подвергается разнородным воздействиям, поскольку нет никакой единой воли или центра, планирующего предполагаемую конструкцию. «В определенной цепи исследовательских попыток, включающих этику (*ethics*), моральную философию, экономику (*economics*), теория базируется на образе человека как цели и ответственном акторе»¹¹.

То есть, мы обнаруживаем отсутствие единства мировоззрения, что, в свою очередь, существенно изменяет не только отношение к науке в обществе, но сам характер научного познания. В силу отсутствия единого основания понятие научной рациональности не столько принимает исторически изменчивый характер, сколько превращается из системы в, своего рода, фрагментированный список норм и правил. Вероятным следствием такого положения дел может стать утрата наукой своих отличий от прочих познавательных практик.

¹⁰ Федотова В.Г. Единство и многообразие культур в условиях глобализации // Вопросы философии. 2011. № 9. С.46-53

¹¹ Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 7.

Видимо, в этом случае, прикладная наука, так же как и техническое знание не претерпят каких-либо существенных изменений. Фундаментальная же наука, если и будет продолжать развиваться, то в каком-то ином качестве и новой форме.

Даже при беглом взгляде на характер современных научных исследований, что само понятие науки существенно трансформировалось за последние сто лет, изменился и характер научного исследования. Подобные изменения не могут быть объяснены только появлением новых средств исследования: приборов, математического аппарата, вычислительного оборудования. Изменение функций науки, как социального института, выразившееся в расстановке приоритетов, которые уже институционально оформлены. Все в большей степени делается акцент на актуальности исследования, вне зависимости от того, относится ли данное исследование к теоретическим, фундаментальным, прикладным. Научное знание начинает оцениваться по степени полезности, с точки зрения увеличения личного комфорта людей. Парадоксальным образом, утрачивая гуманистические установки, научная деятельность обретает антропологическую размерность. Смягчение методологических требований под влияние такого «антропологического поворота» выражается, прежде всего, в признании того, что научное знание производит, воспроизводит, передает и использует человек во всей его полноте.

Казалось бы, разнонаправленные, но идущие параллельно, процессы специализации и интеграции областей научного знания, рост зависимости выбора направлений научных исследований от факторов внешних по отношению к науке, распространение и увеличение популярности эвристических технологий и техник, появление новых научных дисциплин — явное свидетельство того, что предметное поле науки претерпело серьезные изменения.

При всем кажущемся различии этих подходов, есть то, что их объединяет. Дело в том, что, говоря о процессах интеграции или дифференциации наук, можно всегда выделить как бы два плана: эмпирический, где ставятся и решаются проблемы интеграции наличного эмпирического знания для решения технических и социальных задач, и методологический, где интегративные процессы сводятся к объяснению нового с опорой на общеизвестное знание. Как первый аспект интеграции, так и второй, служат прямым указанием на изменение процедур легитимации знания. Наукоцентризм

современного глобального общества больше не может воспроизводиться через своеобразную сакрализацию знания, связанную с принятием как факта невозможности обеспечить общедоступность специализированного знания, производимого исследователем. В новых условиях интеграция наук реализуется в интересах унификации научных теорий и их объективации.

Присутствие этих двух планов обуславливает полииерархичность структуры науки, в которой складываются горизонтальные и вертикальные связи, по своему содержанию соответствующие методологическому и эмпирическому плану. Это приводит к трудностям в идентификации научных дисциплин, возникающих в местах пересечения такого рода связей. Одним из критериев, для различения наук может быть понятие «предельной проблемы», более продуктивное, чем метод и объект. Но классификация наук, построенная на таком основании, оказывает нестабильной, социально и институционально обусловленной, то есть основания классификации наук оказываются внешними по отношению к науке.

Таким образом, исходя из самой науки, мы в состоянии выявить возможности для взаимодействия наук. Что же касается реализации этих возможностей, то есть, нельзя описать сколько-нибудь полно, оставаясь в рамках анализа внутринаучных процессов, взаимосвязей и отношений. То есть, можно говорить о смещении методологических проблем в область институциональных форм взаимодействия. В этом случае, вопрос о взаимодействии наук, связанный с выработкой общей «картины мира», с созданием системы наук и их классификацией, с историей всего научного знания в целом, с выявлением ее закономерностей и т.д., обретает новое измерение, в рамках которого речь идет о глубоком, коренном, качественном изменении в самой структуре современного научного знания, о полном перевороте в методологии науки. А так же о том, что начинает ломаться веками утвердившееся деление наук на отдельные ее отрасли и зарождается новый подход к самой основе того, что называется наукой.

С начала XX в. и результаты научных исследований в различных областях особенно естественных наук меняют свою форму. В то время как классическая наука интересовалась, прежде всего, выявлением механизмов действия тех или иных явлений, неклассическая наука стремится прежде всего соотнести «что на входе — что на выходе». То есть, говоря образно, исследователи

кружат у черного ящика, измеряя различные, в зависимости от области научного знания, параметры входящих в него и из него исходящих сигналов, а потом формулируют теорию, позволяющую путем вычисления установить параметры одного из сигналов при известных параметрах другого. Достоверность такой теории-формулы устанавливается путем соотнесения данных полученных в результате измерения и в результате исчисления. Сам же механизм преобразования сигналов остается неизвестен, более того, его, зачастую, признают недоступным для научного познания, да и неинтересным: «Что сошлось, то сошлось». Но для обоснования процедуры измерения потребовались новые объясняющие конструкции. Для этого стали вводиться разного рода принципы (неопределенности, простоты, антропный и т.д.).

Характерные особенности познавательной ситуации в современных науках — своеобразное господство нового эмпиризма, практическое отсутствие хороших теорий при огромном количестве глобальных концепций и слабообоснованных частных гипотез, невысокий уровень методологических работ, почти полное отсутствие выхода результатов исследований в философию — несомненно, в значительной степени определяются господствующими в науках прагматическими ценностными установками. В ходе методологического анализа констатируется оригинальное состояние наук XXI в.: реальный путь развития науки вступает в противоречие с принятой в ней системой ценностей. Это симптом глубокого мировоззренческого кризиса, в котором находится как частные науки, так и философия, актуализирует, казалось бы, давно решенную проблему допустимости использования в научной дискуссии аргумента *ad hominem*.

Черный ящик, в данном случае, является метафорой, обозначающей некий источник проблемного поля науки. Все понимают, что изучаемы одно и то же, но создаваемая науками модель мира оказывается крайне разнородной. Мы имеем физическую, химическую, биологическую, символическую и другие модели мира, которые не могут быть согласованы в рамках имеющихся методологических требований, формулируемых как идеал научности или требования научной рациональности.

Но подобного рода методологические кластеры в условиях возрастающего количества междисциплинарных исследований формируются все более произвольно, что создает существенные затруднения для взаимодействия наук.

Как писал Ю.А. Шрейдер: «Пока наука воспринимается как средство для решения технологических и вообще прикладных проблем, со специализацией можно мириться. Когда же обращаемся к науке, как к источнику знаний о сущности мира, о природе человека, достижение синтеза знаний представляется той целью, вне которого само знание лишено подлинного смысла»¹². Это было написано тридцать лет назад. Сегодня, даже если наука понята как средство для решения прикладных проблем, то четкое определение специализации частнонаучных дисциплин оказывается проблематичным.

Можно выделить, хотя и очень схематично, два подхода к осмыслению форм и способов взаимодействия наук. Первый, который можно условно назвать «типологическим», делает акцент на осмыслении логико-теоретических норм, которым подчиняется взаимосвязь различных познавательных структур и процессов. Последним приписывается статус реальности, и они представляются независимыми от познавательной деятельности. При таком подходе взаимодействие различных наук сводится преимущественно к обоснованию одних наук другими.

Второй подход, который формируется в XIX — начале XX вв., стоит в центре внимания ценностные ориентации ученых, способы ориентации их деятельности и коммуникации. В противовес первому, здесь отстаивается идея множественности исследовательских программ, теоретических подходов и методологий. Поэтому проблема взаимосвязи наук отодвигается на второй план и ее место занимает проблема когнитивного взаимодействия между учеными, выделяются новые параметры, определяющие это взаимодействие — социальные и социально-психические.

В рамках последнего, становящегося господствующим, подхода говорить о критериях научности с логико-эпистемологических позиций практически невозможно, то есть, такие категории как «научная истина», «научное доказательство», «критерии истинности научного знания», «научная теория» теряют свои позиции в деле организации и оценки хода научного исследования и его результатов. По сути дела, возможно говорить о том, что научное сообщество, как носитель определенной научной культуры, так же может быть

¹² Шрейдер Ю.А. Единство и взаимодействие общественных и естественных наук // Методологические проблемы взаимодействия общественных, естественных наук и технических наук. М.: Наука, 1981. С. 69.

рассмотрено как модель глобального общества, в котором мы сталкиваемся с мультикультурализмом как одной из идеологий, определяющих взаимодействие и взаимоотношение представителей разных групп, объединенных не столько по дисциплинарному признаку, сколько предметными и исследовательскими стратегиями.

Таким образом, отсутствие единой ценностно-нормативной системы и однородного приемов привнесения единообразия в разнородное по своей природе предметное поле науки приводит к стихийному операционализму не только в рамках прикладных, но и фундаментальных исследований.

Поскольку мультикультурализм, как современная идеология, предполагает отказ от апелляции не только к расовому, национальному признаку оппонента, но и к его принадлежности научному сообществу, культурному слою, языковым или хабитуальным особенностям. Сам факт включения индивида в дискуссию предполагает его потенциальную способность участвовать в ней. В этом случае, отказ от аргумента *ad hominem* ведет к утрате рациональности научной дискуссии.

Существенным качеством рациональной дискуссии, отличающим ее от других форм развития научного знания является допустимость использования в ней аргумента *ad hominem*. В теории аргументации аргумент *ad hominem* рассматривается как запрещенный прием, поскольку основан не на объективных рассуждениях, а отсылает к личности конкретного человека, выдвигающего его. Тем не менее, в условиях современного типа рациональности может оказаться вполне приемлемой альтернативная точка зрения, выдвигаемая Г. Джонстоном¹³ поддержанная А. Фишером, А. Ивиным, А. Алексеевым и др. Первый из указанных авторов полагает, что аргументация *ad hominem* неизбежна в философии. *Ad hominem* трактуется им как вменение оппоненту принятия теоретического положения в силу соответствия последнего принципам рассуждения оппонента, собственному поведению или ситуации. Аргумент *ad hominem* может быть рассмотрен как допустимый в дискуссии, в силу того, что ее результат не претендует на установление абсолютного и

общего заключения. Сама ее форма указывает, что убедительность аргументации определенно зависит от аудитории, от взглядов и принципов тех человека, кому она адресована. Следует указать, что речь идет не столько о том, что можно назвать «манерой изложения» или стилем, которые избираются исходя из особенностей человеческого восприятия вообще и взглядов конкретного человека в частности. Так же, аргумент *ad hominem* не может быть сведен к простому требованию последовательности в принятии тех или иных последовательно выводимых положений, что опирается на идею соблюдения формально-логических правил. «Ранее считалось необходимо найти ряд процедур в целом образующих универсальный метод, формальная структура этого метода такова, что он должен приводить к истине любые подставленные, замещая переменные значения. Это соответствовало в общих чертах понятию о «рациональном» или «рациональности», на универсальности и единственности которой в любое время и в любом месте базировалась ее общеобязательная преемственность, всеобщность и необходимость, достигаемая так же единством использования понятий их ясностью и общепонятностью»¹⁴.

В научной дискуссии одним из критериев ее рациональности является допустимость в ней аргумента *ad hominem*.

Трактовка Джонстона аргумента *ad hominem* дает основание рассматривать его не как обращение к качествам утверждающего субъекта. Для этого стали использовать термин *ad personam*, а своего рода отказ от признания концептуальных рамок и способов изучения, за которые не следует выходить.

А.П. Алексеев, рассматривая допустимость аргумента *ad hominem*, говорит о решающем значении имплицитного дополнения к аргументационной конструкции. «Иррелевантными имеет смысл считать те аргументационные конструкции, которые имеют явно ложное имплицитное дополнение. Если имплицитное дополнение истинно или правдоподобно, то аргументационную конструкцию не следует считать иррелевантной»¹⁵.

Тем не менее, установление правдоподобности имплицитного дополнения к аргументационной конструкции выступает как проблематичное. В этой

¹³ Johnstone H.W. *Validity and Rhetoric in Philosophical Argument: An Outlook in Transition*. University Park, 1978. P. 54; Fisher A. *The Logic of Real Arguments*. Cambridge, 1988; Ивин А.А. Аргументация теоретическая // *Философия: энциклопедический словарь* / Под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004; Алексеев А.П. *Философский текст. Идеи, аргументация, образы*. М.: Прогресс-Традиция, 2006.

¹⁴ Вознякевич Е.Е. Дискуссия о новой парадигме гуманитарных наук // *Вопросы философии*. 2007. № 12. С. 173.

¹⁵ Алексеев А.П. *Философский текст. Идеи, аргументация, образы*. М.: Прогресс-Традиция, 2006. С. 198.

связи, по крайней мере, применительно к научной дискуссии, можно говорить о том, что увеличение степени убедительности аргументации через аргумент *ad hominem* реализуется в селекции участников, на чьи возражения отвечает проponent. То есть, как утверждает Е. Семеновски¹⁶, дискуссия в отличие от первичного (оригинального) исследования предполагает, что ученый выбирает те рассуждения, на которые он будет возражать, оставляя без внимания те, которые он рассматривает как не имеющие смысла. При этом, выбирающий участник дискуссии вполне сохраняет за тем или иным набором посылок и тезисов осмысленность, но не включает их в контекст данной дискуссии, не рассматривая их как подтверждающий или опровергающий аргумент. Сам выбор не является ни стихийным, ни иррациональным. Семеновски предлагает, опираясь на идеи Р. Мертона и Э. Барбер, обоснование рациональности выбора через заинтересованность ученого в эффективности дискуссии. Но, учитывая критику Д. Коулом идеи положительного рационализма и универсализма¹⁷, требуется дополнительное пояснение того, как возможна рациональная выборка правдоподобного имплицитного дополнения к аргументационной конструкции, которую участники дискуссии будут оценивать как достаточную для сохранения эффективности дискуссии.

Возможно, такое пояснение может быть реализовано на основании теории значений Даммета, которая предполагает, что каждый включенный в коммуникативную ситуацию должен быть в состоянии реконструировать знание говорящего, который понимает высказывания. Это возможно в силу того, что имплицитное дополнение к аргументационной конструкции манифестирует себя. То есть, участник дискуссии принимает в качестве достойного аргумента только такое сложное выражение, которое он может понять, даже не зная при этом его референта, зная референцию конститuentов данного выражения, и то, как они определяют референцию общего выражения. Это и становится критерием отбора.

Такое положение приемлемо, если научная дискуссия существует для каждого из ее участников как единый текст. При этом, структура текста, включенность в него одних аргументационных

конструкций и отсеив других, хотя и обладающих, казалось бы, той же предметной определенностью, формируется конструированием значения, понятого как «свойство текста, но не самого по себе, а включенного в знаковую деятельность и коммуникацию и в отношения с внешним окружением. Тогда текст является в такой же степени условием понимания, как и процесс понимания — условием существования текста как такового»¹⁸.

Такой подход позволяет дать рациональное обоснование выделяемых А. Нэссом шести принципов-запретов научной дискуссии как условия сохранения ее рациональности¹⁹.

Придерживаться темы, даже если участник дискуссии осознает, что это вредит его собственным интересам. Избегать намеренного искажения чужих взглядов при их передаче, то есть, как отмечает Л.Ю. Иванов по этому поводу: «Цитирование не должно превращаться в ревизию»²⁰. Избегать намеренной неоднозначности. Четвертый принцип — не ссылаться на предполагаемые взгляды оппонента, не выяснив, согласен ли с таким пониманием взглядов сам их носитель. Избегать намеренных искажений наблюдаемых фактов и явлений. Избегать такого использования контекста, который служит лишь для усиления позиций говорящего, и его влияние не может быть объяснено когнитивным содержанием выдвигаемого тезиса. Таким образом, условием рациональности дискуссии как средства развития научного знания в условиях мультикультурализма является использование аргумента *ad hominem* для как селективного принципа, позволяющего оценить убедительности аргументационных конструкций через динамическую взаимозависимость кодексов языковых, контентивных, процедурных, логических и риторических правил.

Мультикультурализм, применительно к науке, даже будучи основанным на полиологе, который не ставит в качестве своей цели полное синтетическое слияние, предполагает признание равной убедительности любого аргумента, если он имеет собственное значение хотя бы в одном из мыслимых контекстов, что ведет к появлению разрывов и деконструкции указанных кодексов.

¹⁶ Semenovsky Y. The uses of argument. Lyon, Presses Universitaires de Lyon, 2003.

¹⁷ Cole J.R. The paradox of individual particularism and institutional universalism // Social Science Information. London: SAGE, Newbury Park, 1989. Vol. 28. № 1. P. 51-76.

¹⁸ Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М.: Канон+, 2008. С. 147.

¹⁹ См.: Naess A. Communication and argument: elements of applied Semantics. Oslo, 1966. P. 121-134.

²⁰ Иванов Л.Ю. Текст научной дискуссии: дейксис и оценка. М.: НИП «2Р», 2003. С. 29.

Список литературы:

1. Алексеев А.П. Философский текст. Идеи, аргументация, образы / А.П. Алексеев. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 328 с.
2. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / Сейла Бенхабиб; Центр исслед. постиндустриального общества. М.: Логос, 2003. 289 с.
3. Бруннер К. Представление о человеке. Концепция социума: два подхода к пониманию общества // Thesis. 1993. Т. 1, вып. 3. С. 51-72.
4. Вознякевич Е.Е. Дискуссия о новой парадигме гуманитарных наук // Вопросы философии. 2007. № 12. С. 171-175.
5. Вознякевич Е.Е. Научная рефлексия и формирование самосознания молодого ученого // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 3. Экономические, гуманитарные и общественные науки. 2010. № 3. С. 56-62.
6. Иванов Л.Ю. Текст научной дискуссии: дейксис и оценка / Л.Ю. Иванов. М.: НИП «2Р», 2003. 208 с.
7. Ивин А.А. Аргументация теоретическая // Философия: энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. С. 32.
8. Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка / И.Т. Касавин. М.: Канон+, 2008. 544 с.
9. Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. М.: ИНФРА-М, 2004. 324 с.
10. Куропятник А.И. Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ. СПб: Изд-во СПбГУ, 2000. 208 с.
11. Тишков В.А. Теория и практика мультикультурализма // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова, В.А. Тишкова. М., 2002. С. 332-336.
12. Ушанова И.А. Глобализация и мультикультурализм: пути развития // Вестник новгородского государственного университета. № 27. С. 61-65.
13. Федотова В.Г. Единство и многообразие культур в условиях глобализации // Вопросы философии. 2011. № 9. С. 46-53.
14. Cole J.R. The paradox of individual particularism and institutional universalism // Social Science Information. London: SAGE, Newbury Park, 1989. Vol. 28. № 1. P. 51-76.
15. Fisher A. The Logic of Real Arguments / A. Fisher. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 190 p.
16. Johnstone H.W. Validity and Rhetoric in Philosophical Argument: An Outlook in Transition / H.W. Johnstone. University Park; Pa.: Dialogue Press of Man & World, 1978. 150 p.
17. Naess A. Communication and argument: elements of applied Semantics / A. Naess. Oslo: Oslo University Press, 1966. 298 p.
18. Pickus N.M.J. Creating Citizens for the 21st Century // Immigration and Citizenship in the 21st Century / Ed. by N.M.J. Pickus. Lanham: Rowman and Littlefield, 1998. P. 107-139.
19. Semenovskiy Y. The uses of argument / Y. Semenovskiy. Lyon, Presses Universitaires de Lyon, 2003. 224 p.

References (transliteration):

1. Alekseev A.P. Filosofskiy tekst. Idei, argumentatsiya, obrazy / A.P. Alekseev. M.: Progress-Traditsiya, 2006. 328 s.
2. Benkhabib S. Prityazaniya kul'tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global'nyuyu eru / Seyla Benkhabib; Tsentr issled. postindustrial'nogo obshchestva. M.: Logos, 2003. 289 s.
3. Brunner K. Predstavlenie o cheloveke. Kontseptsiya sotsiuma: dva podkhoda k ponimaniyu obshchestva // Thesis. 1993. T. 1, vyp. 3. S. 51-72.
4. Voznyakevich E.E. Diskussiya o novoy paradigme gumanitarnykh nauk // Voprosy filosofii 2007. № 12. S. 171-175.
5. Voznyakevich E.E. Nauchnaya refleksiya i formirovanie samosoznaniya molodogo uchenogo // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizayna. Seriya 3. Ekonomicheskie, gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2010. № 3. S. 56-62.
6. Ivanov L.Yu. Tekst nauchnoy diskussii: deyksis i otsenka / L.Yu. Ivanov. M.: NIP «2R», 2003. 208 s.

7. Ivin A.A. Argumentatsiya teoreticheskaya // *Filosofiya: entsiklopedicheskiy slovar'* / Pod red. A.A. Ivina. M.: Gardariki, 2004. S. 32.
8. Kasavin I.T. *Tekst. Diskurs. Kontekst. Vvedenie v sotsial'nyuyu epistemologiyu yazyka* / I.T. Kasavin. M.: Kanon+, 2008. 544 s.
9. Kleyner G.B. *Evolutsiya institutsional'nykh sistem*. M.: INFRA-M, 2004. 324 s.
10. Kuropyatnik A.I. *Mul'tikul'turalizm: problemy sotsial'noy stabil'nosti politnicheskikh obshchestv*. SPb: Izd-vo SPbGU, 2000. 208 s.
11. Tishkov V.A. *Teoriya i praktika mul'tikul'turalizma* // *Mul'tikul'turalizm i transformatsiya postsovetских obshchestv* / Pod red. V.S. Malakhova, V.A. Tishkova. M., 2002. S. 332-336.
12. Ushanova I.A. *Globalizatsiya i mul'tikul'turalizm: puti razvitiya* // *Vestnik novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 27. S. 61-65.
13. Fedotova V.G. *Edinstvo i mnogoobrazie kul'tur v usloviyakh globalizatsii* // *Voprosy filosofii*. 2011. № 9. S. 46-53.
14. Cole J.R. *The paradox of individual particularism and institutional universalism* // *Social Science Information*. London: SAGE, Newbury Park, 1989. Vol. 28. № 1. P. 51-76.
15. Fisher A. *The Logic of Real Arguments* / A. Fisher. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 190 p.
16. Johnstone H.W. *Validity and Rhetoric in Philosophical Argument: An Outlook in Transition* / H.W. Johnstone. University Park; Pa.: Dialogue Press of Man & World, 1978. 150 p.
17. Naess A. *Communication and argument: elements of applied Semantics* / A. Naess. Oslo: Oslo University Press, 1966. 298 p.
18. Pickus N.M.J. *Creating Citizens for the 21st Century* // *Immigration and Citizenship in the 21st Century* / Ed. by N.M.J. Pickus. Lanham: Rowman and Littlefield, 1998. P. 107-139.
19. Semenovskiy Y. *The uses of argument* / Y. Semenovskiy. Lyon, Presses Universitaires de Lyon, 2003. 224 p.